

Илдико Рошонци

PhD, сотрудник, Издательство «Magyar Napló», Будапешт, Венгрия. 1062, Budapest, Bajza u. 18. E-mail: irosonczy@gmail.com

Тема славянского языкового родства и многоязычия в воспоминаниях русских офицеров–участников Венгерской кампании 1849 г.

В середине XIX в. около 40% населения Габсбургской монархии составляли славяне. Находившиеся на разных стадиях нациообразовательных процессов и различавшиеся по конфессиональной принадлежности большие и малые народности в революционном 1848 г. наряду с социальными и политическими требованиями выдвигали разные по степени радикализма требования национального самоуправления внутри монархии. В 1849 г. дело дошло до российского военного вмешательства по просьбе Франца Иосифа I с целью подавления венгерского вооруженного сопротивления. Это произошло как раз тогда, когда в среде говоривших на славянских языках народностей, переживавших период так называемого национального возрождения, все яснее осознавалось языковое родство, появилось учение о славянской взаимности, проявилось чувство славянской общности. До венгерского театра военных действий главные силы русской армии добирались частично через Моравию и частично через северные, населенные преимущественно славянскими народностями территории. Офицеры и солдаты русской армии без большого труда находили общий язык с мораванами, поляками, русинами, словаками, а также говорившими на местных славянских наречиях немцами (саксами) и венграми. В статье рассматривается, как в воспоминаниях офицеров русской армии, ступившей на территорию Габсбургской монархии, отразилась идея языкового родства, какую роль играл родственный славянский язык в контактах солдат с местным населением, наконец, как эти офицеры оценивали военную операцию с точки зрения будущего славянских народов, проживавших в Габсбургской монархии. Особое внимание уделено проблеме поведения в условиях боевых действий этнических поляков на русской службе.

Ключевые слова: славянская общность, родственный славянский язык как средство общения, преимущества полиглотсии, русские офицеры польского происхождения

В революционном для Европы 1848 г. многонациональная и разноязыкая Габсбургская монархия тоже превратилась в площадку жарких межэтнических противоречий. Политические движения, начертавшие на своих знаменах требования социальных изменений, выдвигали разные по характеру и широте требования национально-го самоопределения в рамках монархии, что, естественно, означало и требование права на язык и его использование.

Весной 1849 г. австрийское правительство приняло решение, что активную и успешную борьбу венгров по защите своего конституционного строя, которую они вели в полном соответствии с санкционированными в 1848 г. императором-королем государственно-правовыми основаниями, можно подавить только с помощью иностранной армии. Император Франц Иосиф I (1848–1916 гг.) после длительной дипломатической подготовки обратился к императору Николаю I с просьбой о военной помощи еще до того, как в Вене стало известно про венгерскую Декларацию о независимости¹. Для достижения скорого успеха царь направил к венгерскому и трансильванскому театру военных действий 200-тысячное войско, поскольку опасался, что Габсбургская монархия, игравшая ключевую роль в поддержании баланса сил в Европе, может прекратить существование². В Лондоне рассуждали примерно так же, поэтому рассчитывали на вмешательство России.

Особый характер российскому военному вмешательству придавало то обстоятельство, что среди народов, населявших Габсбургскую монархию, около 40% составляли славяне — большие и малые этнические группы, говорившие на разных языках, исповедовавшие разную религию и достигшие разного уровня национальной консолидации. Основная часть русской армии прошла по территориям, где значительную часть населения составляли славяне: через Галицию и северные комитаты Венгерского королевства она дошла до центра страны, иными словами, побывала на территориях проживания поляков, русинов и словаков. Кроме того, передовые отряды русской армии побывали в Моравии. В мае 1849 г. массовое вторжение началось с того, что генерал-фельдмаршал И. Ф. Паскевич (1782–1856) для скорейшей помощи Вене отправил пехотную дивизию русской

¹ Andics 1961: 121–147. Rosonczy 2016.

² См., например: Виноградов 2000.

армии под командованием генерал-лейтенанта Ф.С. Паниютина (1790–1865) по железной дороге³. Эта дивизия, составленная из полков 8-й и 9-й дивизий 3-го пехотного корпуса, погрузилась на поезд в Кракове и проследовала до моравского Унгариш-Градиша⁴. Здесь и в окрестностях они простояли две недели, затем пешим порядком выступили в направлении Пресбурга.

Учитывая сказанное выше, простые необразованные солдаты русской армии, оказавшиеся на чужбине, все-таки могли кое-как изъясниться со значительной частью населения страны, которую им предстояло умиротворить. И это происходило ровно тогда, когда в среде говоривших на славянских языках народностей, переживавших период так называемого национального возрождения, все яснее осознавалось языковое родство, появилось учение о славянской взаимности, проявилось чувство славянской общности, а 2 июня 1848 г.⁵ в Праге открылся Первый славянский съезд.

Армия Николая I как важнейший общеимперский институт была этнически пестрой, при этом командным языком был русский. Язык части населения западных губерний империи и Царства Польского, польский или русинский, был одновременно родным языком для части подданных Австрийской империи, к тому же переходные языковые формы вместо четких языковых границ облегчали общение.

В статье рассматривается отражение идеи языкового родства в дошедших до нас воспоминаниях офицеров русской армии, ступившей на территорию Габсбургской монархии, анализируется, какую роль играл родственный славянский язык, в том числе как средство общения, в контактах солдат с местным населением, наконец, как эти офицеры оценивали военную операцию с точки зрения будущего славянских народов, проживавших под скипетром австрийского императора. Эти мемуары заслуживают внимания еще и потому, что в зависимости от образованности и любознательности автора содержат более или менее пространственные исторические, географические и языковые рассуждения. В ряде случаев мемуары написаны любителями, в них ощущается влияние разных целей и побудительных мотивов,

³ Рошонци 2018.

⁴ Топонимика Габсбургской монархии дается в статье на немецком языке так, как данные географические названия встречаются в русских источниках XIX в. Список исторических географических названий см. в конце статьи (*прим. редкол.*).

⁵ Даты даны по григорианскому календарю.

но они все равно позволяют глубже проникнуть в образ мыслей русского армейского офицера⁶.

Как говорилось выше, передовые отряды русской дивизии, срочно отправленные по железной дороге к Вене, доехали только до Моравии и 11 мая высадились из вагонов в Унгариш-Градише. На постой их разместили в городе и окрестных деревнях. Поскольку в городе как окружном административном центре размещались многочисленные учреждения, в нем — наряду с мораванами, чехами, ганаками и словаками — проживало немало немцев. Современный чешский историк Л. Чоупек точно подметил, что в 1848–1849 гг. «здесь, как и в Моравии в целом, земельный и династический патриотизм был сильнее национального самосознания», попутно уточнив, что в этот период важнейшим событием в истории Унгариш-Градиша стало квартирование русских отрядов в мае 1849 г.⁷

«Моравцы принимали нас очень радушно; солдатам не нужно было назначать квартир: — каждый хозяин сам брал себе нескольких солдат и таким образом весь батальон был размещен», — восклицал, испытав на себе сердечность местных жителей, Богуслав Лугинский (М. М. Левченко), молодой офицер 3-го батальона 17-го (Брянского) егерского полка⁸. Капитан А. Алексеенко, командир 6-й роты 18-го (Севского) пехотного полка, записал похожие впечатления, добавляя, что моравское наречие «очень сходно с чешским, и для знающего родственный с ним польский язык, удобопонятно»⁹. «Язык моравов есть

⁶ В 1988 г. в Будапеште был издан том, в который вошли мемуары и дневники 12 русских офицеров (A magyarországi hadjárat 1849. Orosz szemtanúk a magyar szabadságharcról / szerk. T. Katona; vál., bev. I. Rosonczy; ford. Zs. Gerencsér, I. Rosonczy. Budapest: Európa Könyvkiadó, 1988). Во введении дан краткий обзор этого типа источника (Rohonczy 1988: 10–18, 30–36). Первый русский историограф Венгерской кампании 1849 г. И. Ореус наряду с материалами современного РГВИА широко использовал многочисленные мемуары (Ореус 1880). На мемуары опирался и британский историк И. У. Робертс, не имевший возможности работать с архивными источниками в СССР (Roberts 1991).

⁷ Чоупек 2000: 208.

⁸ Лугинский Б. Воспоминания о походе в Венгрию в 1849 году. Записки пехотинца. Ч. I // Москвитянин. 1855. № 8. С. 90. Под псевдонимом «Богуслав Лугинский» публиковался этнограф Михаил Михайлович Левченко (1830–1891/92?). Дронов 2018: 254. См. также: Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М.: Изд-во всесоюзной книжной палаты, 1960. Т. 4. Новые дополнения к алфавитному указателю псевдонимов. Алфавитный указатель псевдонимов. С. 276.

⁹ Алексеенко А. Воспоминания старого служжика // Русский Архив. 1890. Т. III. № 10. С. 162. (В переводе на венгерский язык см.: A. Alekszejenko: Egy öreg harcocs emlékei // A magyarországi hadjárat. 363–412. old.)

наречие чешского языка. Он так удобопонятен для русских, что чрез два дни по прибытии в Моравию мы уже довольно легко объяснились с жителями», — описывал язык мораван уроженец Малороссии, упомянутый выше Лугинский, отмечая любовь к труду и скромный образ жизни мораван, которых можно назвать «идеалом благоденствующего простаго народа»¹⁰. Полковник Константин Романович Семякин, командир Брянского егерского полка, писал жене: «Моравия страна прелестная, здесь нашли мы от жителей прием самый радушный. Это чистые славяне»¹¹. Так что нет необходимости особо объяснять, почему Семякин, пока дивизия не отправилась из Унгариш-Градиша в направлении Венгрии, шутливо писал жене: «И я учусь по-немецки, а пока говорю по-моравски»¹². Сердечные отношения между русскими и местным населением сохранились до самого конца пребывания их в городе: «Моравьяни [так!] по-прежнему нас любят, живут дружно»¹³.

Издававшуюся в Брюнне на славянском языке газету «*Morawské Nowiny*» («Моравская газета») читали не только местные жители, но и русские офицеры¹⁴. «О чем я даже помыслить никогда не мог, что однажды увижу русских, к тому же в качестве наших союзников, стало былью», — воодушевленно писал в этой служившей инструментом пропаганды газете градишский корреспондент 13 мая 1949 г. Характеризуя русских солдат, он так писал о целях их вооруженной акции: «Они хотят сражаться только с венграми, тысячетлетними врагами славян, и сопротивляющимися их царю поляками»¹⁵.

Помимо языкового родства, взаимные симпатии между русскими военными и славянским населением Моравии усиливало еще одно обстоятельство — живая традиция здешней миссионерской деятельности славянских апостолов Кирилла и Мефодия¹⁶. Они прибыли

¹⁰ Лугинский Б. Воспоминания о походе. С. 90–91.

¹¹ К. Р. Семякин — жене, Унгариш-Градиш, 4 (16) мая 1849 г. // РГВИА. Ф. 172. Семякин, К. Р. 1836–1867. Оп. 1. Д. 3. Л. 87–88об.

¹² К. Р. Семякин — жене, Унгариш-Градиш, вечер 13 (25) мая 1849 г. // Там же. Л. 91–93.

¹³ К. Р. Семякин — жене, Унгариш-Градиш, 11 (23) мая 1849 г. // Там же. Л. 89–90; *Tomaszewicz W. Dziennik oficera rosyjskiego z kampanii węgierskiej 1849 roku* / oprac. T. Epszstein. Warszawa: Cursor, 2010. S. 48–50.

¹⁴ Лугинский Б. Воспоминания о походе. С. 91. Офицер ошибочно называет местом издания газеты Унгариш-Градиш. См.: *Morawské Nowiny*. 1849. 23 V. (117). S. 549.

¹⁵ *Morawské Nowiny*. 1849. 16 V (112). S. 526.

¹⁶ Ср.: Ковальская 2013.

к велеградскому двору моравского князя Ростислава в 863 г., пробыли там более года, где, если верить местной традиции, в 885 г. умер Мефодий. Об этом общем славянском наследии напомнили солдатам Панютина¹⁷.

Из Унгарииш-Градиша дивизия Панютина выдвинулась пешим порядком по направлению к венгерской границе, которую перешла у Унгарииш-Брода и через Тырнау продолжила путь на Пресбург. Об этом марш-броске Лугинский записал: «Жители всех пройденных нами мест до самого Вартберга были словаки и встречали нас приветливо; в Вартберге же впервые встретили мы нерасположение жителей, потому что главное население этого города составляют венгры»¹⁸.

Лугинский, кратко изложив, в каких частях Венгерского королевства живут немадьярские народы, перешел к словацким диалектам: «Словаки разделяются на собственно словаков, иначе называемых угерскими славянами, и сотаков. <...> Язык словаков, называемый ими славянским, подходит очень к польскому, в нем нет однакож носовых звуков. <...> Наречие сотаков ближе подходит к малорусскому»¹⁹. Поручик 4-го (Мариупольского) гусарского полка Андрей Михайлович Фатеев (1814–1865), не скрывавший наклонности к беллетристике, также с радостью отметил, что понимает язык местных жителей: «Речь, сударь, у здешнего народа, не то на польскую похожа, не то на церковную нашу, для того и разговор их мы без трудности понимать могли; только так чудно они говорят: тянут как-то слово-то, словно поют, да и так, как будто гортанью больше выговаривают»²⁰. Он сообщил, что переводчиками были знавшие по-словацки венгры, и бывало, что русский офицер обращался к своим говорившим «чисто по-словацки» собеседникам на смешанном русско-польско-славянском языке²¹. Увлечшись любительским

¹⁷ *Лугинский Б.* Воспоминания о походе. С. 89.; *Morawské Nowiny.* 1849. 16 V. (112). S. 527.

¹⁸ *Лугинский Б.* Воспоминания о походе. С. 95.

¹⁹ Там же С. 94–95.

²⁰ *Фатеев А. М.* Рассказ отставного солдата о венгерском походе // Русская беседа. 1860. Кн. II. № 20. С. 25.

²¹ Воспоминания и сочинения А. М. Фатеева о венгерских впечатлениях 1849 г. собрал и издал в переводе на венгерский язык И. Хорват (*Fatyejev A. Világostól–Kírmig. Egy magyarbarát orosz huszártiszt emlékeiből / szerk. I. Horváth.* Budapest: Noran Libro Kiadó, 2011). Цитируемый здесь эпизод приведен на с. 142–144 под заголовком «*Emlékezés az 1849-es magyarországi hadjáratra*» («Из воспоминаний о венгерском

языкознанием, Фатеев часто путал словацкие и венгерские слова и выражения. Например, «газда» (слов. и венг. «*gazda*» / «хозяин»), «газдыня» (слов. «*gazdiná*» / «хозяйка»), «йо регель» (венг. «*jó reggelt*» / «доброе утро»), «нес сепатше» (слов. «*nech sa páči*» / «пожалуйста»), «тешек» (венг. «*tessék*» / «пожалуйста»), «нем туду» (венг. «*nem tudom*» / «не знаю»). Нашлось в его воспоминаниях место и для характерных венгерских ругательств: «бассамо» (венг. «*bassza meg*» / «едрить»), «теремтете» (венг. «*teremtette*» / «тварь»), «саррос кутти» (венг. «*szaros kutya*» / «паршивый пес»)»²².

Основные силы русских вошли на территорию Венгерского королевства через Дукельский перевал. Там они встретились со словаками и русинами, которых в большинстве своем называли просто «карпатские славяне». Николай I сопровождал войска до Граба, до венгерской границы, потом «перешел ее и сделал несколько верст по Венгрии», писал Дмитрий Петрович Сонцов, один из адъютантов главнокомандующего Паскевича:

На самом рубеже Галиции толпилось несколько сот собравшихся карпатских славян. При виде Государя, они бросились на колени. Стоявший перед ними униатский священник с крестом подошел к Николаю Павловичу, который к нему приложился, при возгласе словаков: «Царь наш!». Вот первый шаг в пределах Венгрии.

Далее автор задавался поэтическим вопросом: «Подумал ли Император о великой своей миссии в судьбе славян?»²³ Попутно замечу,

походе 1849»), якобы напечатанном в 1864 г. в журнале «Русская беседа». Это, по всей видимости, ошибка: журнал издавался с 1856 по 1860 г., и в списке опубликованных материалов воспоминания Фатеева не упомянуты. См.: Роспись статей журнала «Русская беседа». URL: http://expositions.nlr.ru/ex_rare/slavophils/56_60/beseda.pdf (дата обращения: 10.10.2019). Оригинальную русскую публикацию мне найти не удалось.

²² Фатеев А. М. Рассказ отставного солдата. С. 31. И. Хорват считает, что наблюдения Фатеева о языке местного населения относятся исключительно к венгерскому языку, словам и выражениям (Hogváth 1988: 314–318). Однако это не так, что в будущем могло бы стать темой для отдельной статьи.

²³ Сонцов Д. Из воспоминаний о венгерской кампании (Заметки участника и очевидца). М., 1871. С. 8. В переводе на венгерский язык см.: Dmitrij Szoncov: Emlékek a magyarországi hadjáratból // A magyarországi hadjárat. 225–263. old. О карпатских славянах см., например: Лихутин М. Д. Записки о походе в Венгрию в 1849 году // Умирение Венгрии 1848–1849 / сост. П. Ю. Пернавский. М.: Вече, 2011. С. 375. В переводе на венгерский язык см.: Mihail Dormidontovics Lihutyin: Feljegyzések az 1849. évi magyarországi hadjáratról // A magyarországi hadjárat. 609–815. old.

что упомянутые карпатские славяне греко-католического вероисповедания были не словаками, а по всей видимости, русинами.

Русская армия прошла через Бартфельд и вошла в первый на своем пути крупный город Эпериес²⁴, население которого в то время колебалось между 7 и 8 тыс. чел. Во многих мемуарных текстах говорится о торжественном и сердечном приеме, оказанном русским горожанами. Полковой адъютант входившего в 4-й пехотный корпус 22-го (Камчатского) егерского полка Петр Владимирович Алабин (1824–1896) писал:

Жители Эпериеса, большею частию, словаки, враги инсурекиции венгерцев, сторонники австрийского императора, встретили нас с выражением не только приязни, но даже восторга²⁵.

Федор Григоров, адъютант командующего 3-го пехотного корпуса генерала Ф. В. Ридигера (1783–1856), вспоминал:

Вступление войск в Эпериеш было истинно великолепно. <...> День был чудесный, все окна раскрыты, и дамы, в роскошных нарядах, махая белыми платками, цветами бросали из окон в фельдмаршала, тогда как другие усыпали ими улицу. Дома были украшены развешанными коврами, и улицы наполнены народом²⁶.

О том же, чуть ли не слово в слово писал флигель-адъютант царя барон Леонтий Павлович Николаи (1820–1891)²⁷. «Этим торжест-

²⁴ Ср.: Дронов 2018.

²⁵ *Алабин П.* Четыре войны. Походные записки в 1849, 1853, 1854–56, 1877–78 годах. Самара, 1888. С. 70. Алабин упомянул происходивших с территории Венгерского королевства бродячих торговцев-словаков, которые «под именем венгерцев так недавно еще скитались по всей России, до Восточной Сибири <...>, таская пешком, за спиною, тяжелый ящик с разными, как они называли “oleyками” [olaj – масло], то есть лекарственными маслами». *Алабин П.* Там же. С. 70–71. В переводе на венгерский язык см.: Pjotr Vlagyimirovics Alabin: A magyar háború // A magyarországi hadjárat. 39–223. old.

²⁶ *Григоров Ф.* Из воспоминаний о Венгерской кампании 1849 года (Адъютанта графа Ф. В. Ридигера) // Русская старина. 1898. Т. XXIX (июнь). С. 498. В переводе на венгерский язык см.: Fjodor Vasziljevics Rüdiger gróf segédtsztjének visszaemlékezése az 1849. évi magyarországi hadjáratra. In: A magyarországi hadjárat. 511–557. old.

²⁷ Дневник барона Л. П. Николаи, веденный им во время Венгерской кампании 1849 года // Русская старина. 1877. Т. XX. С. 115. В переводе на венгерский язык см.: Leontyin Pavlovics Nyikolai bárónak az 1849. évi magyarországi hadjárat idején vezetett naplója. In: A magyarországi hadjárat. 265–335. old.

венным приемом мы обязаны славянскому населению Эпериеса: оно видело в нас родичей, освободителей от соединенного ига немцев и мадьяр», — записал так же и Сонцов²⁸.

Как видно из приведенных примеров, русские офицеры выказываемую в их адрес приязнь или неприязнь упрощенно связывали с этносом. Однако местные жители, с которыми русские вступали в разговор, не всегда были словаками, достоверно можно утверждать только то, что они говорили по-словацки. Логично предположить, что как в Эпериесе, так и в других местах вступавшие в город русские войска приветствовали на том языке, который они лучше всего понимали. Начиная с конца XVIII в., несмотря на сильную словакизацию, в городе проживало многочисленное немецкое бюргерство, и один из мемуаристов предположил, что большинство населения — немцы²⁹. В повседневной жизни в Эпериесе говорили на трех языках: словацком, немецком и венгерском. В случае необходимости горожане обращались на том языке, который казался наиболее подходящим для какого-либо случая. Иными словами, полигlossия, точнее, использование нескольких языков в данном случае означала сохранение жизни и имущества, а также безопасность, точно так же, как и торжественная встреча вступающей в город армии.

Об этом написал цитируемый выше адъютант Ридигера: «Нам сказали, впрочем, что точно так же принимал этот город и австрийцев, и венгерцев, и оттого только и уцелел». И не без сарказма добавил:

В тех городах и местечках, через которые проходили войска, вывешивались флаги: для нас белые, для австрийцев желтые с черным, а для венгерцев — зеленые с красным, и каждый дом имел в готовности таких три флага, которые выносились по мере надобности.

Он вспоминал: когда русские входили в город, на ратуше развевался забытый венгерский флаг, который затем в спешном порядке сняли³⁰. Уже находясь в застенке, полковник венгерской гонведной армии Вилмош Лазар (1817–1849), записал перед казнь³¹ воспоминания о входе находившихся под его командованием гонведных

²⁸ Сонцов Д. Из воспоминаний о венгерской кампании. С. 9.

²⁹ Лихутин М. Д. Записки о походе. С. 205.

³⁰ Григоров Ф. Из воспоминаний о Венгерской кампании С. 498–499.

³¹ Подробнее см.: Юхас 2019.

отрядов в Эпериес и Бартфельд. Они мало отличаются от впечатлений русского адъютанта. По словам Лазара, что ввод войск в Эпериес в апреле 1849 г. «был внезапным, но все равно нам бросили несколько наспех сделанных венков». Лазару достался небольшой красивый венок с надписью «молодые эпериеские патриотки». Вступление гонимых в Бартфельд описано так:

Градом посыпались искусственные и сплетенные из живых цветов венки <...>, повсюду реяли национальные флаги, и я был уверен, что на тех домах, где в окнах колышится самый большой триколор, при появлении императорских войск раньше других выставляют императорский штандарт³².

Бытовые сценки показывают, как родственный язык сводил вместе солдат и местное население, но и солдаты славянского происхождения союзных австрийской и русской армий сходу понимали друг друга. Когда в начале июня 1849 г. дивизия Панютина вступила в Пресбург, об их взаимной приязни тут же написала местная «*Pressburger Zeitung*» («Пресбургская газета»): «Русские солдаты в необычных шинелях бродят в обнимку с нашими солдатами, говорящими на родственных языках»³³. Оказывается, что к дивизии Панютина, не имевшей в своем составе кавалерии, имперское военное командование в качестве прикрытия приставило эскадроны 1-го (Киваларта) уланского полка. Уланов в австрийскую армию набирали в Галиции, поэтому им не составляло труда общаться с русскими.

Даже капитан Алексеенко, который не знал «ни одного из общеупотребляемых иностранных языков», воспрял духом, когда обнаружил, что может говорить с барышнями, посещавшими русский лагерь, без переводчика. Сопровождавший дам австрийский офицер неохотно переводил вопросы любопытных гостей на более или менее понятный всем польский язык:

Как вдруг одна из дам, <...> обратилась ко мне с вопросом на словацком наречии, и услыша мой ответ по-русски, чрезвычайно

³² Lázár Vilmos 1849-i honvéd ezredes aradi várfogságában kivégeztetése előtt írt emlékirata [Воспоминания революционного полковника Вилмоша Лазара, написанные в крепостной тюрьме Арада накануне казни] // *Az aradi vértanúk / összegyűjtötte T. Katona. Negyedik, átdolgozott kiadás, Budapest [s.d.]. 132. old.*

³³ *Pressburger Zeitung*. 1849. 8 VII. № 129.

обрадовалась, что может непосредственно вести со мною разговор, и буквально закидала вопросами о России, о солдатах и вообще о нашей военной жизни³⁴.

Эти барышни были племянницами того самого Антона Палшовича, каноника Пресбургского капитула, которого в 1854 г. за верность императору наградили орденом Франца Иосифа и проповеди которого на словацком языке расходились большими тиражами.

Русские офицеры польского происхождения или те, кто длительное время служил на территориях массового расселения поляков в Российской империи, оказались в процессе межъязыковой коммуникации в более выгодном положении. Квартирмейстер 18-го (Орловского) егерского полка, носившего имя генерал-фельдмаршала Паскевича, поляк по происхождению поручик Владислав Томашевич описал в дневнике подслушанный в корчме политический спор:

Было забавно наблюдать, как разговаривают два словака, один считал, что победят венгры, другой, насколько я понял по отдельным словам, утверждал обратное³⁵.

Он же увековечил для нас другую, тоже застольную сценку. Пестрая славянская компания развлекалась так: хорошо говорившие по-польски австрийские офицеры из Галиции, взбудораженные вином, бойко отплясывали польку под незатейливую музыку с местными девушками, и им ни в чем не уступали офицеры Севского пехотного полка³⁶. Фамилия одного из них была Попруженко, что, по всей вероятности, указывает на его малороссийское происхождение.

Вследствие разделов Речи Посполитой польские офицеры служили не только в российской и австрийской, но и в прусской армии. Именно эти три державы принимали участие в подготовленном ими вооруженном подавлении Венгерской революции. Участие Прусского королевства, впрочем, свелось к тому, что в мае 1849 г. через его территорию по железной дороге из Кракова в моравский Унгаршиш-Градиш проследовала неоднократно упоминавшаяся выше русская дивизия. Полк Томашевича тоже был в составе этого формирования. Его написанный в 1849 г. по-польски дневник был впервые опубликован только

³⁴ Алексеевко А. Воспоминания старого служки. С. 165.

³⁵ *Tomaszewicz W. Dziennik oficera rosyjskiego* S. 55.

³⁶ *Ibid.* S. 54–55.

в 2010 г. под редакцией Т. Эпштейна. В нем можно прочитать, как автор дневника беседовал по-польски с офицером прусской армии о преимуществах участвующих в кампании армий³⁷. Выходит, что родным языком обоих был польский. Ученым известны и другие русские офицеры, которые в 1849 г. вели дневники по-польски, например, артиллерийский офицер 1-й батареи 4-й артиллерийской бригады 2-го пехотного корпуса Е. Е. Михаловский. Его дневник опубликован в 1910 г. по-русски в «Журнале Императорского русского военно-исторического общества»³⁸. В 1880-х годах к тому времени отставной артиллерийский полковник Михаловский передал издателю И. Павлову свой дневник, который, по его словам, вел по-польски для «стариков-родителей». Оба офицера, и Томашевич, и Михаловский, отлично зарекомендовали себя во время венгерской кампании, Томашевич был даже представлен к награде³⁹. Союзные армии, русская и австрийская, вели переписку на немецком и французском языках, но приведенные примеры показывают, что при общении солдат с местным населением часто использовался и польский, как один из славянских языков.

Однако из-за развернувшегося в то время польского революционного движения, ставившего целью восстановление независимого польского государства, и в связи с тем, что в венгерской гонведной армии служило немало поляков, это обстоятельство само по себе таило опасность. К тому же австрийское правительство оценивало их число в 20 тыс. Эта цифра сильно завышена (в действительности, их было не более 4–5 тыс. чел.), но российское военное командование предприняло повышенные меры предосторожности. За поведением офицеров и солдат польского происхождения, их контактами с местным населением следили с особым вниманием, генерал-фельдмаршал Паскевич, назначенный главнокомандующим армии, отправлявшейся на подавление венгерского восстания, в самом начале похода приказал своим командирам «иметь строгое наблюдение, дабы <...> воинские чины <...>, а особенно офицеры имели сколь можно менее сношение с жителями

³⁷ Tomaszewicz 2010. S. 44–45.

³⁸ *Михаловский, Е. Е.* Воспоминания о Венгрии. Походные записки 1849 года. Страница из истории 1 батареи 4 артиллерийской бригады / опубликовал Ив. Павлов // Журнал Императорского Русского Военно-исторического общества. 1910. № 5. С. 1–17. В приложении к публикации приведена одна страница на польском языке из рукописного оригинала.

³⁹ Epszstein 2010: 15.

тем паче городскими, которых превратный образ мнений мятежем посеянный, может иметь самое вредное влияние <...> в особенности Вы должны наблюдать за офицерами из польских уроженцев»⁴⁰.

Бдительность оказалась не напрасной. Солдаты русской армии из поляков, случалось, позволяли себе высказывать политические убеждения. Пусть даже подвыпив, в корчме. Генерал-лейтенант Павел Христофорович Граббе (1789–1875), командующий русской колонной, вступившей в северовенгерские комитаты, записал 21 июня 1849 г. в дневнике:

Два юнкера Низовского полка, Урбан и Корсак, оба поляки, за возмутительные в пьяном виде речи с венгерцами и за уступку одному из них казенных патронов своих, схвачены, и производится над ними следствие. Необходимость примера строгости в дивизии, в состав которой вошло много поляков⁴¹.

Материалы военно-полевого суда подтверждают этот случай. Прапорщик 11-го (Низовского) егерского полка Александр Корсак в винной лавке пил с местными «за здоровье Бема и Дембинского, имел преступный разговор, во время коего, между прочим сказал, что если он будет в сражении с венгерцами, то стрелять в них не станет <...>, дал им 25 казенных боевых патронов». Присутствовавший унтер-офицер дворянин Александр Урбановский был обвинен «в недонесении начальству о вышеизложенных противузаконных разговорах Корсака до начатия о том следствия». В следственном деле упомянуто, что одним из собеседников был чешский лесник, значит, разговор велся, по всей видимости, на смеси польского, чешского и, не исключено, словацкого языков. Военно-полевой суд приговорил обоих к смертной казни, но Паскевич

<...> имея в виду, что смягчение определенного военным судом смертного приговора может возбудить в них раскаяние и желание

⁴⁰ РГВИА. Ф. 846. Военно-ученый архив. Оп. 16. Д. 5368. (Бумаги относящиеся до венг. камп. после ген. Семякина) 14–14об. Приказ генерал-лейтенанта Ф. С. Панютина — полковнику К. Р. Семякину, Пресбург, 4 июня 1849 г., составленный на основании приказа главнокомандующего генерал-фельдмаршала Паскевича от 13 (25) мая 1849 г.

⁴¹ *Граббе П. Х.* Записная книжка графа П. Х. Граббе. Москва: Тип. М. Г. Волчанинова, 1888. С. 417. В переводе на венгерский язык см.: Pavel Hrisztoforovics Grabbe gróf naplójegyzeteiből. Részletek // A magyarországi hadjárat. 457–510. old.

загладить необдуманный <...> поступок, подтверждением своею определил: разжаловать их в рядовые, впредь до отличной выслуги, с переводом на службу на Кавказ⁴².

Самой известной, хотя часто передаваемой с многочисленными неточностями, можно назвать историю Конрада Руликовского — корнета 7-го (Вознесенского) уланского полка, входившего в состав 4-го корпуса. По моим сведениям, он был единственным русским офицером, который, будучи поляком, сознательно готовился к тому, чтобы при первой возможности перейти на сторону венгров. Его примеру больше никто не последовал. После капитуляции венгерской гонимой армии Руликовский попытался эмигрировать, но вернулся и сообщил первому попавшемуся на его пути русскому военному формированию, что возвращается из плена. Однако о его дезертирстве стало известно командованию, и Руликовского арестовали. Русский военно-полевой суд приговорил поляка к смертной казни, которая была приведена в исполнение 28 августа в Грос-Вардейне⁴³.

Во второй половине XX в. историческая наука считала Руликовского *русским* офицером, разделявшим социально-передовые и революционные взгляды. Примером может служить статья советского историка В. Г. Вержбицкого «Сочувствие передовых офицеров и солдат русской армии венгерской революции 1848–49 гг.»⁴⁴. Однако источники свидетельствуют, что главной движущей силой его поступка была *польская* идентичность. И Корсак, и Урбановский, и Руликовский предстали перед военно-полевым судом из-за своей открыто декларируемой принадлежности к польской нации. Впрочем, многих осудили за разные неблагоприятные проступки, например, грабежи, разбои, пьянство, отставание от своей части и пр. Каждый такой случай в материалах военно-полевого суда следует рассматривать отдельно.

⁴² Материалы расследования см.: Вержбицкий 1962: 128–129. Приведенный Вержбицким шифр архивного дела устарел. Дело см.: РГВИА. Ф. 395. Инспекторский департамент Военного министра. Оп. 285. Д. 393. (По отношению Ауд. Деп-а с изъяснением Высочайше утвержденной конфирмации о прапорщике Корсак и унтер-офицере Урбановском).

⁴³ Биография Руликовского см.: Рошонци 2012; Rulikowski, Konrad // Kovács 2015: 587–588. Писатель-коммунист Б. Иллеш, вдохновленный подвигом и судьбой Руликовского, решил спустя сто лет придумать историю русского капитана Гусева. Этот вымысел, тиражировавшийся в советской историографии, убедительно развенчал А. С. Стыкалин, см.: Стыкалин 2014.

⁴⁴ Вержбицкий 1962.

Известные мне мемуары свидетельствуют, что опыт, полученный во время похода 1849 г., дал богатую пищу идеям о взаимосвязанности судеб славянства, возможном объединении в будущем всех славянских народов и призвании России решать судьбы зарубежных славян. У Сонцова читаем:

Необходимо было показать, где славянам в будущем нужно искать руку помощи от натисков чужих племен (как то делали мадьяры с славянским населением в Венгрии), показать в стране, частью славянской, все могущество России, той необъятной силы, которую сама судьба дала в покровители разьединенным славянским племенам⁴⁵.

В схожем духе пространно и со ссылками на другие военно-исторические труды рассуждал об этих материях отставной генерал-майор Михаил Дормидонтович Лихутин, участвовавший в Венгерском походе в составе 4-го корпуса. Его часто цитируемая в историографии книга была впервые издана в 1875 г., затем вновь переиздана в 2011 г.⁴⁶ В ней он писал:

Относительно славян все, по-видимому, указывало на пользу вмешательства. <...> Обессиливая мадьяр, мы давали славянам возможность достигать лучшей будущности, открывали новые пути к ней и возвышали дух их, не рискуя ничем в сомнительных предприятиях для целей слишком отдаленных⁴⁷.

Естественно, что во время венгерского похода русские офицеры на собственном опыте убедились в родстве славянских языков, и они при всяком удобном случае этим охотно пользовались, но процитированные выше рассуждения о будущем славян и роли России не проявились на уровне политики. Император Николай I был корректным союзником австрийского императора. Он отправил войска в соседнюю Габсбургскую монархию, чтобы обеспечить восстановление ее консервативного устройства, территориальную целостность и укрепить пошатнувшийся трон Франца Иосифа I. Движения австрийских славян он считал нелегитимными и не использовал их.

⁴⁵ Сонцов Д. Из воспоминаний о венгерской кампании. С. 6.

⁴⁶ Лихутин 2011. С. 372–377.

⁴⁷ Там же. С. 372–373.

Список исторических географических названий

Бартфельд (нем.), Бартфа (венг.) — ныне Бардеёв в Словакии
 Брюнн (нем.) — ныне Брно в Чехии
 Вартберг (нем.), Сенц (венг.) — ныне Сенец в Словакии
 Грос-Вардейн (нем.), Надъварад (венг.) — ныне Орадя-Маре в Румынии
 Пресбург (нем.), Пожонь (венг.) — ныне Братислава в Словакии
 Тырнау (нем.), Надьсомбат (венг.) — ныне Трнава в Словакии
 Унгариш-Брод (нем.) — ныне Угерске-Брод в Чехии
 Унгариш-Градиш (нем.) — ныне Угерске-Градиште в Чехии
 Эпериес/Эперьеш (нем./венг.) — ныне Прешов в Словакии

Список сокращений

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив, Москва

Литература

- Вержбицкий 1962 — *Вержбицкий В.Г.* Сочувствие передовых офицеров и солдат русской армии венгерской революции 1848–49 гг. // Исторический архив. 1962. № 4. С. 121–133.
- Виноградов 2000 — *Виноградов В.Н.* Венгерский поход И.Ф. Паскевича 1849 г.: легенда и действительность // Новая и новейшая история. 2000. № 3. С. 80–96.
- Дронов 2018 — *Дронов М.Ю.* Прешов глазами участников Венгерского похода 1849 года: нюансы восприятия // 20 років високошкольської русиністики на Словачії (Збірник рефератів з міжнародної научної конференції) / зост. К. Копорова. Пряшов: Пряшівська універзіта в Пряшові, 2018. С. 252–264.
- Ковальская 2013 — *Ковальская Э.* Традиция национальных святых Кирилла и Мефодия: возникновение и использование в политической пропаганде словацкого национализма // Славяноведение. 2013. № 2. С. 68–78.
- Ореус 1880 — *Ореус И.* Описание Венгерской войны 1849 года с приложением 14-ти карт и планов. Санкт-Петербург: Типография и хромолитография А. Траншеля, 1880. 117 с.
- Рошонци 2018 — *Рошонци И.* Роль железнодорожного сообщения в оказании Россией военной помощи Австрии в мае 1849 г. // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2018. Вып. 13. № 3–4. С. 32–49.
- Стыкалин 2014 — *Стыкалин А.С.* Правда и вымысел о реакции русского общества на венгерскую революцию 1848 г. Венгерская кампания 1849 г. и капитан Гусев // Историческая экспертиза. 2014. № 1. С. 38–54.

- Juchas 2019 — *Juchas K.* 6 октября — День памяти арадских мучеников в зеркале истории: практики коммеморации, местные и фольклорные традиции // Центральноевропейские исследования. 2019. Вып. 1 (10). С. 17–46.
- Andics 1961 — *Andics E.* A Habsburgok és a Romanovok szövetsége. Az 1849. évi magyarországi cári intervenció diplomáciai előtörténete. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1961. 452 old.
- Čoupek 2000 — *Čoupek L.* Revoluce 1848–1849 a Uherské Hradiště // *Slovácko*. 2000. R. XLII. S. 208–228.
- Epsztein 2010 — Epsztein T. [Wprowadzenie] // *Tomaszewicz W.* Dziennik oficera rosyjskiego z kampanii węgierskiej 1849 roku / oprac. T. Epsztein. Warszawa: Cursor, 2010. S. 5–31.
- Horváth 1988 — *Horváth I.* Petrov obsitos megjegyzései a magyar nyelvről // *Magyar Nyelvőr*. 1988. 112. sz. 314–318. old.
- Kovács 2015 — *Kovács I.* Honvédek, hírszerzők, légionisták. A szabadságharc lengyel résztvevőinek életrajzi lexikona 1848–1849. Budapest: Magyar Napló, 2015. 952 old.
- Roberts 1991 — *Roberts I. W.* Nicholas I and the Russian intervention in Hungary. London: Palgrave Macmillan, 1991. 301 p.
- Rosonczy 1988 — *Rosonczy I.* Bevezető // A magyarországi hadjárat 1849. Orosz szemtanúk a magyar szabadságharcról / szerk. T. Katona; vál., bev. I. Rosonczy I.; ford. Zs. Gerencsér, I. Rosonczy. Budapest: Európa Könyvkiadó, 1988. 5–37. old.
- Rosonczy 2012 — *Rosonczy I.* Adalékok Konrad Rulikowski sorsához. Egy orosz ezredes, A. K. Baumgarten 1849-es naplója // *Hadtörténelmi Közlemények*. 2012. 1. sz. 199–203. old.
- Rosonczy 2016 — *Rosonczy I.* «A lázadók újabb győzelmeket aratnak» — Orosz–osztrák tárgyalások az orosz fegyveres beavatkozásról 1849 áprilisában // *Rosonczy I.* Orosz fegyverekkel Ferenc Józsefért. Tanulmányok I. Miklós 1849-es magyarországi beavatkozásáról. Budapest: Magyar Napló, 2016. 35–72. old.

References

- Andics, E., 1961. *A Habsburgok és a Romanovok szövetsége. Az 1849. évi magyarországi cári intervenció diplomáciai előtörténete*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 452 p.
- Čoupek, L., 2000. Revoluce 1848–1849 a Uherské Hradiště. *Slovácko*, XLII, pp. 208–228.
- Dronov, M. Yu., 2018. Prešov glazami uchastnikov Vengerskogo pokhoda 1849 goda: niuansy vospriiatiia [Presov through the eyes of participants of the Hungarian campaign of 1849: nuances of perception]. In: Koporova, K., ed. *20 rokov vysokoshkolskoi rusinistiky na Slovákii (Zbornik referativ z medzhinarodnoi nauchnoi konferentsii)*. Priashov: Priashivska univerzita v Priashovi, pp. 252–264.

- Epsztein, T., 2010. [Wprowadzenie] Espstein, T., ed., Tomaszewicz, W. *Dziennik oficera rosyjskiego z kampanii węgierskiej 1849 roku*. Warszawa: Cursor, pp. 5–31.
- Horváth, I., 1988. Petrov obsitos megjegyzései a magyar nyelvről. *Magyar Nyelvőr*, 112, pp. 314–318.
- Juhász, K., 2019. 6 oktiabria — Den' pamiaty aradskikh muchenikov v zerkale istorii: praktiki kommemoratsii, mestnye i fol'klornye traditsii [6 October — The memorial day of the Martyrs of Arad in historical perspective: commemoration practices, local and folklore traditions]. *Tsentral'noevropeiskie issledovaniia*. 2018, 1 (10), pp. 17–46.
- Kovács, I., 2015. *Honvédek, hírszerzők, légionisták. A szabadságharc lengyel résztvevőinek életrajzi lexikona 1848–1849*. Budapest: Magyar Napló, 952 p.
- Kowalská, E., 2013. Traditsiia natsional'nykh sviatykh Kirilla i Mefodii: vozniknovenie i ispol'zovanie v politicheskoi propagande slovatskogo natsionalizma [Tradition of the national Saints Cyril and Methodius: emergence and use in political propaganda of Slovak nationalism]. *Slavianovedenie*, 2, pp. 68–78.
- Oreus, I., 1880. *Opisanie Vengerskoi voiny 1849 goda s prilozheniem 14-ti kart i planov* [Description of the Hungarian War of 1849 with the addition of 14 maps and plans]. Saint Petersburg: Tipografiia i khromolitografiia A. Transhelia, 117 p.
- Roberts, I. W., 1991. *Nicholas I and the Russian intervention in Hungary*. London: Palgrave Macmillan, 301 p.
- Rosonczy, I., 1988. Bevezető. In: Katona, T., Rosonczy, I., Gerencsér, Zs., eds. *A magyarországi hadjárat 1849. Orosz szemtanúk a magyar szabadságharcról*. Budapest: Európa, pp. 5–37.
- Rosonczy, I., 2012. Adalékok Konrad Rulikowski sorsához. Egy orosz ezredes, A. K. Baumgarten 1849-es naplója. *Hadtörténelmi Közlemények*, 125 (1), pp. 199–203.
- Rosonczy, I., 2016. “A lázadók újabb győzelmeket aratnak” — Orosz–osztrák tárgyalások az orosz fegyveres beavatkozásról 1849 áprilisában. In: Rosonczy, I. *Orosz fegyverekkel Ferenc Józsefért. Tanulmányok I. Miklós 1849-es magyarországi beavatkozásáról*. Budapest: Magyar Napló, pp. 35–74.
- Rosonczy, I., 2018. Rol' zheleznodorozhnogo soobshcheniia v okazanii Rossiei voennoi pomoshchi Avstrii v mae 1849 g. [The role of railway communication in providing Russian military support for Austria in May 1849]. *Slavianskii mir v tret'em tysiacheletii*, 13 (3–4), pp. 32–49.
- Stykalin, A. S., 2014. Pravda i vymysel o reaktsii rossiiskogo obshchestva na vengerskuiu revoliutsiiu 1848 g. Vengerskaia kampaniia 1849 g. i kapitan Gusev [Truth and fiction about the reaction of Russian society to the Hungarian revolution of 1848. The Hungarian campaign of 1849 and Captain Gusev]. *Istoricheskaiia ekspertiza*, 1, pp. 38–54.
- Verzhbitskii, V. G., 1962. Sochuvstvie peredovykh ofitserov i soldat russkoi armii vengerskoi revoliutsii 1848–49 [The sympathy of the progressive officers

and soldiers of the Russian army with the Hungarian revolution of 1848–49]. *Istoricheskii arkhiv*, 4, pp. 121–133.

Vinogradov, V.N., 2000. Vengerskii pokhod I. F. Paskevicha 1849 g.: legenda i deistvitel'nost' [Hungarian campaign of I. F. Paskevich of 1849: Myth and reality]. *Novaiia i noveishaia istoriia*, 3, pp. 80–96.

Ildikó Rosonczy

PhD, employee, *Magyar Napló* Publishing House, Budapest, Hungary. 1062, Bajza u. 18, Hungary. E-mail: irosonczy@gmail.com

The motive of Slavic kinship and multilingualism in the memoirs of Russian officers – participants in the Hungarian campaign of 1849

In the middle of the nineteenth century, about 40 per cent of the population of the Habsburg monarchy were Slavs. In the revolutionary year of 1848, larger and smaller nationalities that were at different stages of the nation-building process and who differed in their confessional affiliation as well as their social and political claims, were each demanding different degrees of national autonomy within the Monarchy. In 1849, it came to a head when Russian military intervention was requested by Francis Joseph I in order to suppress the Hungarian armed resistance. This coincided with the period of the so-called national awakening among the Slavic-speaking nationalities of the Monarchy, when linguistic kinship was becoming more and more obvious, the doctrine of Slavic reciprocity was born, and a sense of Slavic community appeared. The Russian army travelled to the Hungarian battleground through Moravia and the northern territories, which were mainly inhabited by Slavic peoples. Officers and soldiers of the Russian army easily found a common language with the Moravians, Poles, Ukrainians, Ruthenians, and Slovaks, as well as with Germans (Saxons) and Hungarians who spoke local Slavic dialects. This article examines the idea of linguistic kinship as reflected in the memoirs of officers of the Russian army who fought in the Hungarian Campaign of 1849 and strives to explore what role kindred Slavic languages played in the contacts between soldiers and the local population, and how these officers evaluated the military operation from the point of view of the future of the Slavic peoples living in the Habsburg Monarchy. Particular attention is paid to the problem of the wartime behaviour of ethnic Poles in Russian service.

Keywords: Slavic community, kindred Slavic language as a communication tool, advantage of polyglossia, examples of Russian officers of Polish origin